

ДЕМОКРАТИЯ И ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.1.4>

EDN: NDZIXB

В.В. САФРОНОВ¹

¹ Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

КОНВЕНЦИОНАЛЬНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ В РОССИИ, 2006–2018: РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ И СОЦИАЛЬНОЕ СТРУКТУРИРОВАНИЕ

Аннотация. В статье рассматривается политическая активность российских граждан в конвенциональных — легальных и легитимных — формах, ее распространенность в сопоставлении с другими посткоммунистическими странами и западными европейскими демократиями, а также социальное структурирование такой активности. Исследования указывают на пассивность гражданского общества в России, которая, как предполагается, обусловлена коммунистической политической культурой и действиями властей, направленными на контроль и ограничение массовой политической активности. Рассматривались данные Европейского социального исследования (ESS) о восьми основных конвенциональных формах политической активности, полученные в опросах 2006–2018 гг. в посткоммунистических странах — России, Венгрии и Польше, а также в западных европейских демократиях, включая Германию, Францию и Швецию. Результаты подтверждают, что в российском обществе, как и в других посткоммунистических странах, в политике участвует немногочисленное меньшинство, тогда как в западных демократиях политический активизм охватывает гораздо более широкие общественные круги. В нашей стране обнаруживаются отчетливые неравенства политического участия — оно заметно связано с социальной демографией

(растет с повышением образования и сокращается с возрастом), повышается при благоприятных условиях мобилизации (связи с другими людьми и добровольными ассоциациями) и политической предрасположенности (интерес к политике, уверенность в способности влиять на политику, партийная идентификация). Выявленные зависимости подкрепляют утверждения о политической пассивности российских граждан как отражении укорененных в культуре представлений, уходящих корнями в советскую эпоху.

Ключевые слова: политическое участие в России; конвенциональный активизм; тенденции 2006–2018; социальное структурирование; сравнение с посткоммунистическими и западными демократиями; Европейское социальное исследование (ESS).

Для цитирования: Сафронов В.В. Конвенциональное политическое участие в России: распространенность и социальное структурирование // Власть и элиты. 2025. Т. 12. № 1. С. 119–161.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.1.4>. EDN: NDZIXB

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ: ПОНЯТИЕ, НЕРАВЕНСТВА, И МЕЖСТРАНОВЫЕ СРАВНЕНИЯ

В основополагающих исследованиях политического участия С. Верба и Н.Г. Най определяют его как «акции частных граждан, которые более или менее прямо направлены на оказание влияния при отборе правящих лиц и/или на предпринимаемые ими действия» [57, с. 2]. Изучая политическое участие в Америке 1960–1970-х гг., они рассматривали как электоральный процесс, так и другие его разновидности, предполагающие легальное или легитимное влияние граждан на правительственные действия, а также распространенность разных форм политического участия и связи с социальной стратификацией. Кроме голосования на выборах это активность во время избирательной кампании, участие в делах локального сообщества и личные контакты с правительственными чиновниками. Политическое участие объясняется здесь в соответствии с базисной социо-экономической моделью — диспропорциональную активность проявляют представители выше расположенных общественных слоев, выделяемых по профессии, образованию и доходу, чему способствует и их психологическая пред-

расположенность к гражданским аттитюдам — уверенность в возможности политического влияния, интерес к политике и чувство гражданского долга. Л.У. Милбрат предлагает сходное понимание политического участия — «тех действий частных граждан, с помощью которых они пытаются повлиять на руководство и политику или поддержать их» [50, с. 198; 51, с. 2]. Среди этих действий не только электоральная активность, но и другие способы действия — коммуникативные, контактные и протестные, обусловленные такими переменными как способность индивидов влиять на политику, их социо-экономический статус, возраст, раса, партийные и групповые идентификации.

С. Верба, К.Л. Шлозман и Г.Е. Бради предложили для объяснения политической активности «модель добровольного гражданского участия» (Civic Voluntarism Model, см.: [52; 58]). В качестве причин неучастия они назвали отсутствие у людей ресурсов, мотивации и связей, способствующих мобилизации. Люди *не могут* заниматься политикой из-за нехватки ресурсов — денег, свободного времени, образования, необходимых навыков; *не хотят* ею заниматься, поскольку не имеют мотивации, интереса к политике, уверенности, что на нее можно повлиять, чувства гражданского долга; не участвуют, потому что *никто их не позвал* — они оторваны от сетей социальных взаимодействий, добровольных ассоциаций, способствующих вовлечению в политику.

В исследовании начала 1970-х гг. «Политическое действие» под редакцией С.Г. Барнса и М. Каазе, посвященном главным образом «неконвенциональным», протестным формам политического поведения в пяти западных демократиях, рассматривались также «конвенциональные» его разновидности, прямо или косвенно связанные с избирательным процессом: ознакомление с политическими новостями в газетах, обсуждение политики с друзьями, попытки убедить людей проголосовать определенным образом, участие в политических собраниях, контакты с официальными лицами, работа на партию или кандидата на выборах [31]. Как показали в этом исследовании Р. Инглерхарт и Б.Дж. Фара, С.Г. Барнс, Ф. Хеункс, образование и обусловленная им способность к «идеологической концептуализации», а также положительное оценивание политической системы (властей, политики, институтов), выступают ключевыми факторами конвенциональной

активности (играют, вслед за постматериалистическими ценностями, определенную роль и в формировании «протестного потенциала», см.: [45, с. 442; 47, с. 378]).

Дальнейший анализ этих данных с дополнением Европейского социального исследования и нидерландского лонгитюда, охватывающего около трех десятилетий, показал, что распространение новых «не институциональных» политических акций (бойкотов, петиций, протестов) вело к сокращению половых и возрастных различий при сохранении отчетливых расхождений по образованию [56]. Сравнительный анализ политического участия (от голосования и петиций до бойкотов), по данным Европейского социального исследования (ESS 2004), обнаружил неравенства в конвенциональной активности по образованию и профессиональному статусу, которые были в посткоммунистических странах даже более выраженными, чем в западных демократиях (по голосованию на выборах и протесту социальные стратификации были в них сходными) [55]. Применение статистических методов многоуровневого моделирования к другим данным Европейского социального исследования (ESS 2006) позволило установить, что склонность к «мягкому политическому протесту» (законные демонстрации, подписание петиций, контакты с официальными лицами) нарастала при более высокой социальной позиции индивида и его доверии парламенту страны, причем эта активность была более распространенной в старых демократиях Европы, чем в посткоммунистических европейских странах (в тех и других она снижалась при больших доходных неравенствах) [37]. Как показала А. Галлего, анализируя материалы Европейского социального исследования (ESS 2004) об участии в четырех политических действиях (включая голосование, работу в политических партиях и группах, участие в законных демонстрациях и бойкоте товаров), наиболее отчетливые структурные причины политического активизма связаны с младшим возрастом, более высоким образованием и классовой позицией [46].

Значение конвенционального политического участия (признаваемые и распространенные в политической системе действия, предполагающие влияние на политическое руководство) для консолидации демократии в европейских посткоммунистических государствах анализируют И. МакАлистер и С. Уайт, сопоставляя их с западными

странами [49]. Это участие осуществляется в разнообразных формах, включая голосование на выборах, активность во время избирательной кампании (в том числе убеждение других людей и участие в предвыборных собраниях), работу в партиях и добровольных ассоциациях, контакты с официальными лицами. В странах Центральной-Восточной Европы и России в начале 2000-х гг., согласно данным Сравнительного исследования электоральных систем (CSES, Module 2) и Европейского социального исследования (ESS, Round 3), такое участие по некоторым показателям было очень низким, мало отличаясь от западных демократий: партийная работа — в среднем для посткоммунистических стран, России и западных государств — 3 %, 3 % и 4 % соответственно, посещение собраний — 7 %, 4 % и 8 %, по другим показателям несколько выше, особенно в нашей стране, это — убеждение других людей проголосовать определенным образом — 15 %, 28 % и 16 %, но были и такие индикаторы, по которым посткоммунистические страны заметно уступали Западу, включая контакты с официальными лицами — 9 %, 9 % и 16 %, работу в добровольных объединениях — 4 %, 5 % и 19 %. Таким образом, заключают авторы, «уровни политического участия ниже в посткоммунистических демократиях по сравнению со сложившимися <...>, хотя различия между двумя группами стран не очень велики» [49, с. 201]. В обеих группах политическая активность объясняется ресурсной моделью (и культурным научением), она — связана с образованием, усиливаясь с повышением его уровня. Согласно анализу новых данных Европейского социального исследования (ESS Round 10, 2020–2022 гг., 30 стран, но без России) вероятность участия в демонстрациях выше у мужчин, молодых людей и особенно у образованных респондентов, и растет при большем недоверии политическим институтам (а также на уровне стран при открытом доступе к правосудию и несмотря на возможное насилие со стороны государства) [4, Табл. 5, 6].

Еще одно сравнительное исследование России и европейских стран (ESS 2008) свидетельствует о широко распространенной в нашем обществе политической пассивности: преобладающее большинство вообще не предпринимает каких-либо политических действий (не считая редкого голосования на президентских и парламентских выборах), тогда как в устойчивых демократических режимах отчетливое боль-

шинство в политику, напротив, вовлечено. Главные причины этого — неразвитость в России социального государства при очень низком уровне жизни, а также неэффективность власти из-за повсеместной коррупции, лишаящие смысла попытки вмешательства наших сограждан в политические дела [26].

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АКТИВИЗМ В РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В начале 2010-х гг. В.В. Петухов пишет, что «все исследования последних лет фиксируют постоянно снижающийся уровень политической активности россиян», неучастие в выборах «становится все в большей степени самым распространенным средством выражения политического недовольства граждан», «мало востребованными являются виды активности и формы участия, связанные с традиционными институтами, — партиями, профсоюзами, общественными организациями». Он отмечает, ссылаясь на данные ВЦИОМ, «низкий уровень не только политической, но и общественной, досуговой активности» — регулярно участвуют в деятельности религиозных организаций, спортивных и фитнес-центров, профсоюзов, обществ защиты прав потребителей, благотворительных и экологических организаций, органов местного самоуправления лишь от 2 % до 4 % россиян [19, с. 49–50]. Слабо было вовлечено в «общественно-политическую жизнь» и поколение «нулевых»: «Лишь 2–3 % молодежи указывали в опросах, что постоянно участвуют в митингах и демонстрациях, в деятельности политических партий, молодежных политических объединениях», хотя в Москве и Санкт-Петербурге молодые люди играли важную роль в протестах конца 2011 — начала 2012 г. [20, с. 59–60]. В середине 2010-х гг. В.В. Петухов и Р.В. Петухов отмечали, опираясь на опросные данные Института социологии РАН, «спад протестной активности», но считали, что он «не тождественен угасанию политической и общественной жизни в стране», хотя всего лишь 2 % лично «участвовали в течение последнего года в политической деятельности (в работе политических партий, митингах, демонстрациях, забастовках)», не получило широкого распространения и общественное участие: среди его форм «наибольшее внимание россиян (7 %) привлекают интернет-сообщества, 6 % рабо-

тают на общественных началах в органах МСУ, по 4 % в волонтерских и благотворительных организациях», в то же время многие участвуют в собраниях жильцов или членов кооператива — 26 %, в субботниках по месту жительства — 49 % [22, с. 33–36, 45].

Согласно российским опросным данным, «уровень реальной включенности граждан, прежде всего в деятельность органов местного самоуправления, по-прежнему низок <...> Лишь около 2 % опрошенных заявили об опыте такого участия <...> Изъявили желание работать в органах местного самоуправления, политических партиях, выходить на улицу, отстаивая свои политические права, лишь 4–6 % опрошенных. Участие, осуществляемое волонтерами в ходе выборных кампаний в качестве наблюдателя, агитатора, сборщика подписей, привлекает несколько большее число респондентов (8 %)». Все это, считает автор, говорит о том, что у россиян «аллергия» на политику еще не прошла или же проявилась вновь после некоторого политического “разогрева” 2011–2012 гг.». Сравнительно невысок и уровень включенности граждан в деятельность многообразных неполитических общественных формирований — благотворительных, волонтерских, экологических (1–6 %). В то же время в субботниках по благоустройству двора принимали участие 49 %, в работе собраний собственников жилья в многоквартирном доме, членов ТСЖ, членов дачного кооператива — 26 % [24, с. 68–69].

Как указывает Н.Н. Седова, анализируя опрос ИС РАН 2014 г., самая распространенная форма политического участия — голосование на выборах (41 %), о другой связанной с выборами активности (наблюдатели, агитаторы, сборщики подписей) сообщали лишь очень немногие (6 %), еще меньше было участников митингов и демонстраций, сетевых политических интернет-коммуникаций (по 3 %) и совсем мало тех, кто был связан с деятельностью органов местного самоуправления, политических партий, правозащитных организаций (1–2 %), так что «деятельностная включенность россиян в практики политического активизма [без учета выборов. — В.С.] может быть оценена на уровне 12 % — это своего рода ядро политической жизни общества» [29, с. 50–51]. Несколько выше была активность в неполитических объединениях, таких как интернет-сообщества (10 %), ассоциации соседей, ТСЖ (9 %), профсоюзы (8 %), благотворительные организации

(6 %). Социальная база подобной активности — около трети населения (участие в деятельности хотя бы одной ассоциации), ближняя к ядру периферия — 9 % (участие в двух из них), а само ядро составляет около 8 % (в трех ассоциациях). Было установлено, что *«чем выше степень включенности граждан в неполитические формы и практики гражданского активизма, тем выше и более деятельна их политическая включенность»* [29, с. 55]. Активность характерна для молодых людей, представителей более высоких социальных страт, жителей крупных городов и тех, кто придерживается либеральных воззрений и с доверием относится к добровольным ассоциациям. Согласно представленному в этой работе сравнительному анализу (ESS 2012), политический активизм в России находится на одном из последних мест среди европейских стран: в трех видах акций из предложенных для оценивания в этом проекте (обращение к политикам или в органы власти, работа в политической партии или движении, другой общественной организации, подписание петиций, участие в разрешенных демонстрациях) участвовали только около 2 %, в двух — 5 % и в одной 9 %, тогда как 84 % оставались пассивными.

В работе Л.И. Никовской и И.А. Скалабан используется термин гражданское участие — это «процессы, при помощи которых граждане непосредственно или опосредованно влияют на принятие органами власти решений, затрагивающих общественные интересы». В нашей стране во второй половине 2010-х гг. «важной особенностью гражданского участия стало сокращение доли его политически ориентированной составляющей <...> и перенесение основной силы тяжести на социальную кооперацию и взаимопомощь». Обобщая имеющиеся факты, авторы отмечают: «Каждый десятый житель страны практикует деятельные формы политического участия, около трети — участники неполитических общественных организаций и объединений», главные черты их «социального портрета — молодость, хорошее образование, высокое социальное положение, урбанизм, интеллектуальная профессиональная занятость» [12, с. 48, 51, 54].

Кластеризация данных всероссийского репрезентативного онлайн-анкетирования позволила выделить следующую структуру гражданского участия в 2020 г.: «активисты», среди которых большинство были нейтральны по отношению к власти, составляли менее 10 % опрошен-

ных; «вовлеченные», с доминированием нейтральных и лояльных позиций — около 30 %; чуть больше, более трети, относились к «зрителям», также с преобладанием нейтрального отношения к власти и заметной долей лояльного; и, наконец, «пассивисты», при некотором преобладании нейтральных настроений, насчитывали около четверти респондентов [5]. Наблюдается, заключают авторы исследования, «абсолютное доминирование в обществе отстраненной нейтральной позиции при относительно незначительном распространении активных лоялистской и критической позиций» — потенциал протестной активности, как и поддержки действующей власти, был низким [5, с. 143].

Исследование «общественного офлайн и онлайн активизма» в России (онлайн-опрос по репрезентативной выборке) «показало выраженную отстраненность россиян от политической деятельности, связанной как с поддержкой власти, так и с поддержкой оппозиции. Аполитичные граждане составляют большинство российского общества, которое характеризуется проявлениями социальной активности и неприятием политического участия» [13, с. 165]. Наиболее активным было меньшинство оппозиционно настроенных граждан (десятая с небольшим часть выборки). Согласно полученным результатам, самая распространенная форма политической офлайн активности — голосование на выборах (абсолютное большинство), более трети подписывали обращения и петиции в органы власти, четверть занимались организацией избирательных кампаний, тогда как членство и поддержка политической партии или общественной организации были распространены мало, и лишь очень немногие участвовали в собраниях, митингах и акциях протеста. Политическая активность онлайн проявлялась прежде всего в пассивном получении информации с цифровых ресурсов органов власти, оппозиции, политизированных сообществ в социальных медиа, и только немногие были вовлечены в активные формы политической деятельности (блогинг, формирование сообществ, привлечение сторонников для участия в мероприятиях).

Согласно российским репрезентативным опросам Левада-Центра¹, в 2019 и 2021 гг. лишь 3 % указали: «Я принимаю активное участие

¹ Включен Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, 5 сентября 2016 г.

в деятельности какой-либо из политических партий, политических групп или активно поддерживаю их», и этот показатель мало менялся на протяжении десятилетия [7; 8]. По данным 2023 г., только 4 % наших сограждан признавались: «Я всегда принимал и принимаю участие в общественной жизни» (неизменная доля с начала 1990-х гг.), и около 2 % соглашались, что «для меня сейчас открылась возможность реального участия в политической жизни» [9]. На вопрос о готовности более активно участвовать в политике в 2023 г. только 5 % ответили «определенно да» и 17 % — «в какой-то мере да», тогда как «скорее нет» — 32 %, а «определенно нет» — 45 %, и такое распределение мнений практически не менялось с 2006 г.

Мониторинг ВЦИОМ двух последних десятилетий свидетельствует: «На фоне спада политической активности вовлеченность россиян в общественную жизнь растет» [2]. Так, в 2021 г. о коллективном благоустройстве подъездов, домов сообщали 24 %, о сборе средств и вещей для людей, попавших в тяжелое положение 20 %, об участии в работе домового комитета, местном общественном самоуправлении 7 %. Голосование на выборах в органы власти различного уровня набирало лишь 22 % (за период с 2004 по 2021 гг. произошло заметное сокращение), подписание коллективных обращений, петиций — 8 % (повышение с единиц процентов), участие в проведении избирательной кампании — 6 %, в деятельности общественных организаций — 4 %, в митингах, демонстрациях, пикетах — 3 %, еще меньше в деятельности политических партий — 2 % и забастовках — 1 %. Главные причины неучастия в 2021 г. включают: «У меня нет на это времени» — 28 %, «Политикой должны заниматься профессионалы» — 20 %, «Я доверяю президенту и считаю, что он сам решит все проблемы в стране» — 19 %, «Мое участие ничего не изменит» — 16 %, «Мне это не интересно» — 15 %, «Я не вижу лидеров, за которыми можно было бы пойти» — 13 %, «Нет общественных организаций и политических партий, которым можно было бы доверять и в работе которых мне хотелось бы участвовать» — 10 %. Длительные наблюдения ВЦИОМ за потенциалом участия россиян в протестной активности [3] свидетельствуют о заметном его снижении в последние годы — отвечая на анкетный вопрос: «Если в вашем городе / сельском районе состоится массовые выступления протеста против падения уровня жизни, несправедливых

действий властей, в защиту своих прав и свобод, Вы лично примете в них участие или нет?», около 20 % респондентов в 2001–2022 гг. (в отдельных временных точках до 30 %) говорили, что скорее всего примут в них участие, тогда как с весны 2022 г. об этом сообщали немногим больше каждого десятого.

По данным Левада-Центра¹ [10], готовность участвовать в протесте с экономическими требованиями постепенно снижалась с 1990-х гг. до 2018 г. от значений около 30 % до примерно каждого десятого, и затем, после подъема к тридцатипроцентной отметке в 2019–2020 гг., она вновь опустилась до 10 %. Потенциал протеста с политическими требованиями был еще ниже: между 2010 и 2018 гг. он колебался около 10 % значения, затем в 2019–2021 гг. вырос примерно до 20 %, а с 2022 г. снова снизился до 8 %. Согласно результатам российского опроса 2021 г., протестная мобилизация могла затронуть лишь очень немногих наших сограждан — «13 % одобряют проведение уличных акций, только у 9 % россиян возникало желание участвовать в митингах оппозиции, и всего 1,4 % опрошенных сообщили, что принимали участие в январских протестах» (в поддержку А. Навального), причем оценка участия оказалась завышенной (реальная — около 0,5 %) [6, с. 400]. В.Б. Звоновский и его коллеги отмечают, что «высокий уровень опасения политических преследований в сочетании с довольно высоким рейтингом Путина сужают возможности протестной мобилизации россиян» [6, с. 408]. В другой работе о митингах начала 2021 г. в Москве, Санкт-Петербурге и Казани было показано, что они были наиболее массовыми за последние десятилетия (хотя протест охватывал лишь ничтожные доли процентов от релевантного населения), привлекая главным образом людей молодого возраста и с высшим образованием, многие из которых впервые принимали участие в митингах, выступая против коррупции элит и политического насилия со стороны государства [1]. По данным Института социологии ФНИСЦ РАН 2014, 2016 и 2018 гг., «активистские формы участия (в общественно-политических акциях, в выборах кампаниях в качестве наблюдателя, волонтера, в работе органов местного самоуправ-

¹ Включен Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, 5 сентября 2016 г.

ления, политических партий и т.п.) практикуют сравнительно небольшое число опрошенных (от 1 до 6 %)», таким же низким было участие в деятельности различных общественных объединений (активность в течение года). Причем более высокий уровень политического участия демонстрируют «хорошо материально обеспеченные россияне, живущие в крупных, но не столичных городских центрах, имеющие высшее образование, а также молодежь в возрасте 18–30 лет, то есть городской средний класс и близкие к нему группы и слои», а общественную самоорганизацию — «хорошо обеспеченные россияне, <...> жители поселков городского типа, молодежь и респонденты с высшим образованием» [20, с. 8–9]. Несмотря на низкие показатели гражданского участия, В.В. Петухов с оптимизмом смотрит в будущее: «Россия постепенно просыпается, преодолевая синдром неучастия, характерный для начала 2000-х» [20, с. 12].

По данным массового опроса 2014 г., отмечают С.В. Патрушев и Л.Е. Филиппова, в России существуют предпосылки для становления как «политики масс», так и «политики граждан» (определяется через ориентацию ее участников на реализацию прав и свобод гражданина или борьбу за их предоставление, расширение, применение) — существуют риски массовизации человека, хотя выделяются и группы респондентов, в определенной степени освоивших роль граждан [18]. Так, подписывали петиции, интернет обращения 30 %, обращались к политикам, в органы власти 23 %, вывешивали или носили политическую символику 20 %, участвовали в гражданских или политических интернет-группах 17 %, были наблюдателями на выборах 16 %, отказывались от покупки зарубежных товаров или услуг для выражения политического протеста 14 %, жертвовали на нужды политических организаций 11 %, создавали политический контент для Интернета 10 %, профессионально помогали политическим организациям 10 %, участвовали в публичных политических дебатах 9 %, работали в выборных муниципальных советах 7 %, были организаторами политических протестных акций 6 %. На вопрос о личном участии в митингах, демонстрациях или других выступлениях граждан с политическими требованиями утвердительно ответили 18 % респондентов, отрицательно — 60 %. Авторы пишут: «Формирование гражданской идентичности — empowerment — является необходимым условием демокра-

тической трансформации политического режима в России» [18, с. 131]. Анализ опроса городского российского населения, проведенный Институтом социологии РАН летом 2014 г. (представляет вовлеченные в политику слои, имеющие идеологические предпочтения), показал, что политическая активность растет с образованием, увеличением размера населенного пункта и значительно повышается при уверенности человека в способности влиять на политику [11].

Эмпирические исследования С.В. Патрушева и его коллег «позволили верифицировать основные теоретические посыпки концепции господства и сделать вывод об обширном поражении ткани российского социума интериоризированными нормами и практиками отношений господства» [16, с. 147]. Одно из заключений исследовательского проекта Института социологии ФНИСЦ РАН «Конституирование политического пространства в России: институциональный анализ альтернативных стратегий политических изменений», эмпирической базой которого послужили массовые опросы 2018, 2019, 2020 и 2021 гг., — в нашей стране наблюдается воспроизводство «властных отношений господства в соответствии с традициями самодержавной политической культуры, а также вследствие политики правящих элитных групп, направленной на исключение рядовых граждан из процесса государственного управления и принятия политических решений», так что для укоренения современных форм политики необходимы «изменения в политической культуре граждан — от подданничества к активизму — процесс освобождения граждан от пут господства, расширения возможностей реализации прав» [17, с. 253–254]. «Институциональный контекст, в котором социализируются и действуют граждане, характеризуется разрывом между декларируемыми демократическими ценностями <...> и реальным <...> устройством сферы “политического”, в которой гражданам отводится роль статистов» [15, с. 42]. Так, согласно репрезентативному опросу, проведенному отделом сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН в июне 2018 г., «в течение последних 12-ти месяцев 46 % респондентов не участвовали ни в каких событиях и акциях, которые можно отнести к политическим <...>. О том факте, что они были наблюдателями на выборах, заявили 9 % респондентов <...>. О своем участии в митингах и политических выступлениях сообщили только 2 %» [14, с. 564–565].

СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ: ОБОБЩЕНИЕ

Таким образом, результаты исследований политической активности в нашей стране указывают на широко распространенную в обществе пассивность — считанные проценты указывали, что принимали участие в любой из основных разновидностей конвенционального (легального или легитимного) и протестного политического действия, предполагающего влияние на властные структуры и проводимую ими политику. Несмотря на заметные колебания, российские показатели политического участия в последние десятилетия все же оставались неизменно невысокими и после всплесков возвращались к исходному низкому уровню.

В России можно обнаружить политические неравенства, связанные с социально-экономическим статусом, — большую активность проявляют граждане с высоким образованием, лучше обеспеченные и продвинутое по профессиональному положению.

Сравнительные исследования, охватывающие несколько десятков стран (Европейское социальное исследование, ESS, включающее и Россию), показывают, что низкая политическая активность характеризует многие европейские посткоммунистические общества, тогда как в развитых государствах (с высоким уровнем благосостояния и развития социального государства, укорененными демократическими ценностями и институтами) в политической жизни участвуют широкие общественные слои.

Несмотря на сходство выявленных в российских исследованиях фактов, характеризующих политическую активность, конкретные показатели существенно отличаются. Такие отличия могут объясняться методологическими причинами — разными временными срезами и особенностями отбора респондентов в выборку, неодинаковыми в разных работах формулировками вопросов респонденту, включая перечень политических акций, оценивание готовности, потенциала политической активности или реального участия, указания на законность акций, длительность периода, в течение которого предлагалось оценить участие, а также способов статистического анализа данных и состава контрольных переменных. Такие методологические расхождения затрудняют оценку политической активности в России по сравнению с западными сложившимися демокра-

тиями, а также трендов ее повышения или понижения в последние десятилетия.

Невысокая политическая активность в России может, как предполагается, свидетельствовать о неразвитости демократической культуры и ограничениях, накладываемых правящими элитами на возможности политической конкуренции, однако остается неясным, какое из этих объяснений является более важным.

В настоящем исследовании предпринимается попытка пополнения знания о выраженности политической активности в России в 2006–2018 гг.

ПРОБЛЕМА И МЕТОДОЛОГИЯ

В последние десятилетия в России отмечается заметное снижение явки на думские выборы, но не изучено, что происходило с другими формами конвенциональной политической активности, сокращалась она или росла. Отдельные исследования показывают, что в российском обществе 2000–2010-х гг. мало кто предпринимал попытки воздействовать на власти, прибегая к легальным средствам политического давления. Можно предположить, что эти данные отражают общие особенности российской политической культуры — широко распространенную в нашем обществе политическую пассивность, которая охватывает не только активные формы участия в политике, подвергаемые репрессиям со стороны властей, такие как несанкционированный протест, но и легальные его разновидности — конвенциональные акции, включая контакты с политиками и чиновниками, работу в добровольных ассоциациях, ношение политической символики, подписание обращений и петиций, согласованные с властями демонстрации, бойкот товаров и услуг, размещение в социальных сетях политических сведений.

Проверка этого предположения подразумевает оценку конвенциональной политической активности в России в 2000-е гг., а также ее сравнение с другими посткоммунистическими странами Европы и стабильными западными демократиями, для которых характерна активистская политическая культура. Важно также понять, является ли российское общество однородным по уровню такой активности или в нем можно обнаружить расслоение, разделяющее пассивное

большинство и более активное меньшинство. Возможные причины такого расслоения могут объясняться теоретической моделью политического участия, разработанной в западных исследованиях и предполагающей влияние на политическое поведение ресурсов, мотивации и облегчающих мобилизацию социальных связей индивида [27; 52].

Решение указанных задач проводилось при анализе репрезентативных опросных данных, собиравшихся каждые два года по программе Европейского социального исследования в 2006–2018 гг. (именно в эти годы проводились российские опросы, ESS, European Social Survey, Round 3–9, см.: [38–44])¹. Сопоставлялись Россия и две другие посткоммунистические страны, считавшиеся до последнего времени успешными случаями демократического перехода — Венгрия и Польша, а также три крупные западноевропейские демократии, отличающиеся своими политическими, электоральными и социальными системами и активистскими традициями — Швеция, Германия и Франция. Общая численность респондентов в России 17 319 человек, а по отдельным раундам примерно 2,5 тысячи (во всех шести странах 86 373 человека, в среднем по раундам около 12 000 опрошенных). Нижняя возрастная граница — 15 лет.

Респондентам в ESS предлагалось ответить на следующие восемь вопросов: «Можно по-разному пытаться улучшить положение дел в <России> или избежать принятия неправильных решений. Предпринимали ли Вы на протяжении последних 12 месяцев что-либо из того, что я сейчас назову? <...> 1. Да, 2. Нет. <...> Обращались ли Вы к конкретному политику или в общероссийские или местные органы власти? Принимали участие в работе политической партии, группы, движения? Принимали участие в работе какой-либо другой общественной орга-

¹ Непредставленные в массивах ESS сведения о России 7 и 9 волны взяты из: «Данные Российского социального исследования по программе ESS (Европейского социального исследования). Исследование проведено ЦЕССИ (Институт сравнительных социальных исследований) в декабре 2014 — феврале 2015 года и ноябре 2018 — феврале 2019 года, размер выборки составил 2445 и 2416 респондентов, опрошенных методом личных интервью у респондентов дома по случайной вероятностной выборке населения страны 15 лет и старше», см.: URL: <http://www.ess-ru.ru/index.php?id=1> (дата обращения: 01.04.2025).

низации или объединения? Носили или вывешивали символику какой-либо политической, социальной, гражданской, экологической или какой-либо иной акции или организации и т.п.? Подписывали петиции, обращения, открытые письма? Принимали участие в разрешенных демонстрациях? Бойкотировали, отказывались от покупки или потребления каких-либо товаров или услуг, чтобы выразить свой протест? <Начиная с 2016 г.> [п]убликовали или делились в интернете материалами о политике, например, в блогах, по электронной почте или в социальных сетях, в том числе таких как ВКонтакте, Фейсбук или Твиттер?» Ответы на эти вопросы позволяют проследить изменения конвенциональной политической активности в нашей стране за период с 2006 г. по 2018 г., сопоставляя ее с другими европейскими странами.

Данные для проведенного в 2018 г. раунда ESS использовались также при конструировании общего индекса политической активности, который представляет собой дихотомию со значениями «0», которое говорит о неучастии ни в одной из 8 акций, и «1», указывающем на участие хотя бы в одной из них. Этот индекс анализировался при рассмотрении социальных различий политического участия в России и способствующих ему психологических ориентаций.

В соответствии с теоретической моделью «ресурсы-мотивация-мобилизация», независимыми переменными выступали основные характеристики социальной демографии, включая пол, возраст, образование (суммарное число лет, в течение которых человек учился в школе, вузе, аспирантуре и других формальных образовательных учреждениях) и место жительства (крупный город, небольшой город, сельское поселение), а также три мобилизационных признака: одинок респондент или нет, как часто он встречается на досуге с близкими или знакомыми людьми (фиксировалось число контактов в месяц) и состоит ли в профсоюзе (или состоял прежде, никогда не состоял).

Психологические политические ориентации были представлены следующими показателями:

(А) Интерес к политике, который является одним из ключевых признаков электоральной разновидности конвенционального участия [28; 32; 33; 54] и, вероятно, определяет и другие его формы. Респондентов спрашивали: «Насколько Вы интересуетесь политикой? <...>

1. Очень интересуетесь; 2. В некоторой степени интересуетесь; 3. Мало интересуетесь; 4. Совсем не интересуетесь».

(Б) Уверенность респондента в своей способности влиять на политику, которая поддерживает политическую активность (понятие “political efficacy” введено А. Кэмпбеллом и его коллегами в [35, с. 183] и широко используется в политической социологии, см.: [30]). В нашем исследовании этот показатель представляет собой среднее арифметическое значение ответов на два вопроса анкеты: «Как Вы думаете, насколько Вы способны принимать активное участие в работе какой-либо группы, занимающейся политическими вопросами? <...> (1) Совсем не способны, (2) Лишь в небольшой степени способны, (3) В целом способны, (4) Во многом способны, (5) В полной мере способны»; и «А насколько Вы уверены в том, что способны принимать участие в политике? <...> (1) Совсем не уверены, (2) Уверенности мало, (3) Некоторая уверенность есть, (4) Во многом уверены, (5) Полностью уверены». Ответы на эти вопросы тесно связаны между собой (Pearson’s $r = 0.64$, $p < 0.0001$) и могут быть представлены общим индексом.

(В) Политическое доверие — среднее арифметическое ответов на следующие три анкетные вопроса (они тесно взаимосвязаны, что позволяет отобразить их с помощью обобщающей переменной, Cronbach’s Alpha = 0.88): «Скажите, пожалуйста, насколько Вы лично доверяете разным группам людей или организациям, которые я буду Вам называть? Для ответа используйте шкалу от 0 до 10, представленную на этой карточке. “0” означает, что Вы совершенно не доверяете этой группе людей или организации, а “10” — что Вы им полностью доверяете. <...> Госдума России; Политики; Политические партии». Согласно определению, «политическое доверие отражает степень соответствия способов поведения политических институтов и властей ожиданиям граждан легитимного и эффективного правления» и подразделяется на доверие к представительным, как в нашем исследовании, и регулирующим институтам и властям, см.: [53, с. 63–64, 21–71].

(Г) Партийная идентификация — устойчивая психологическая приверженность определенной политической партии, которая играет важную роль в стимулировании политического участия (как было показано еще в [34, ch. 6] и нашло подтверждение в последующих

работах, например, [36; 48]). Формулировка вопроса респондентам звучала следующим образом: «Есть ли такая политическая партия, которая Вам ближе, чем все остальные партии? <...> (1) Да, (2) Нет».

Статистический анализ включал сравнение шести изучавшихся стран по процентным значениям каждой из форм конвенционального политического участия на протяжении 2006–2018 гг. (с двухгодичным шагом, соответствующим периодичности проведения ESS опросов). По российским данным последнего из этих раундов, 2018 г., проводился логистический регрессионный анализ, позволяющий объяснить участие в политике (хотя бы в одной из восьми акций) описанными выше переменными социальной демографии, связей с социальным окружением и политических ориентаций. Независимые переменные были представлены преобразованными шкалами, изменяющимися между значениями «0» и «1», так что регрессионные коэффициенты указывают на различия (в логарифмической метрике) между их поллярными категориями. Для облегчения интерпретации этих коэффициентов по регрессионным уравнениям строились графики, демонстрирующие различия политического участия в зависимости от наиболее существенных факторов.

КОНВЕНЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ В РОССИИ: ВЫРАЖЕННОСТЬ, ТRENДЫ, СРАВНЕНИЕ С ЕВРОПОЙ

Распространенность политического участия в России и пяти других европейских странах на протяжении 2006–2018 гг. позволяет оценить рисунок 1, разделенный на восемь слайдов в соответствии с изучавшимися разновидностями конвенциональной активности.

Согласно рисунку 1.1, контакты с политиками и представителями властей не имеют широкого распространения в Центральной-Восточной и Западной Европе, причем в первой показатели мало менялись с течением времени, а во второй немного выросли к 2018 г. (см. рис. 1.1). При этом в Венгрии, Польше и России к таким контактам прибегала все же заметно меньшая доля опрошенных, чем в странах Западной Европы: показатель в среднем по годам для нашей страны составляет 7 %, и примерно таким же он был в двух других посткоммунистических странах, тогда как в Швеции его значение — 17 %, а к по-

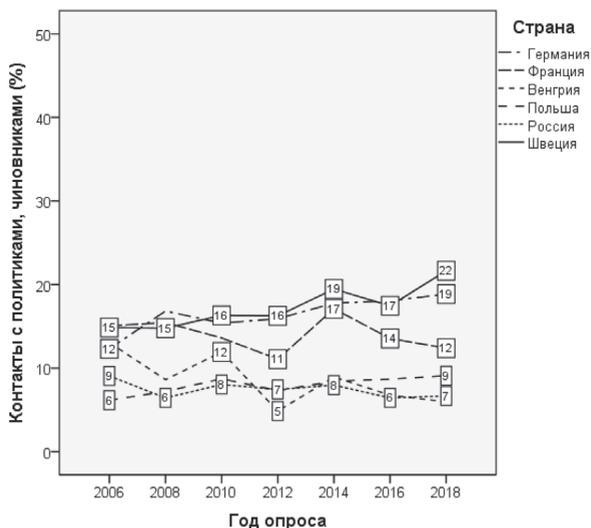

Рис. 1. (Fig. 1). Вовлеченность в политические действия в России и странах Европы, 2006–2018 г. (за предшествующие опросу 12 месяцев).

1.1. Обращения к политикам и чиновникам

Involvement in political actions in Russia and European countries, 2006–2018 (for the 12 months preceding the survey) 1.1. Appeals to politicians and officials

следнему раунду — 22 %, немного меньше в Германии и Франции.

Работа в политической партии, группе, движении, как показывает график 1.2, еще менее популярна в любой из наших стран — этот показатель набирает считанные проценты и остается стабильно низким в течение рассматриваемого периода (см. рис. 1.2). Так, в России в работе политических организаций участвовали в лучшем случае около 3 % респондентов. Сходным образом обстоят дела и в других посткоммунистических странах. Но и западные демократии мало от них отличаются. В Швеции, например, доля поднимается лишь до 5-процентной отметки. Хотя партии остаются ключевым политическим и электоральным институтом при демократическом правлении, они, как видим, не привлекают в свои ряды сколько-нибудь заметного сегмента граждан даже в стабильных демократиях.

В западных демократиях, как свидетельствует рисунок 1.3, добровольные ассоциации граждан, в отличие от партий, привлекают к сво-

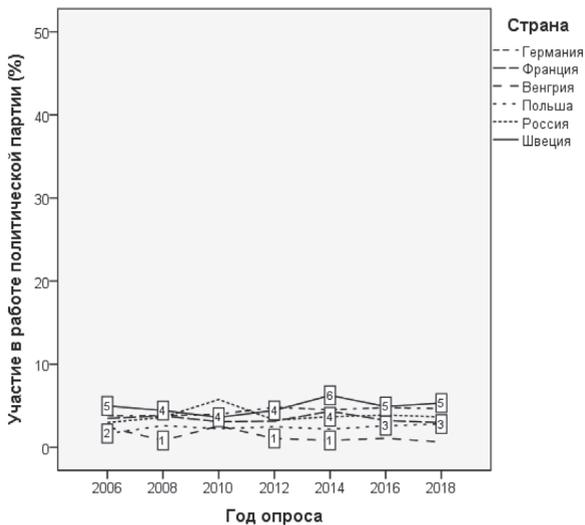

Рис. 1.2. (Fig. 1.2). Участие в работе политической партии
Participation in the work of a political party

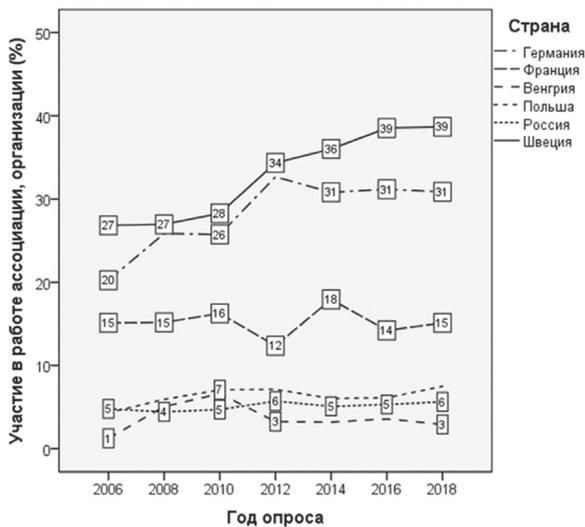

Рис. 1.3. (Fig. 1.3). Участие в работе добровольной ассоциации
Participation in the work of a voluntary association

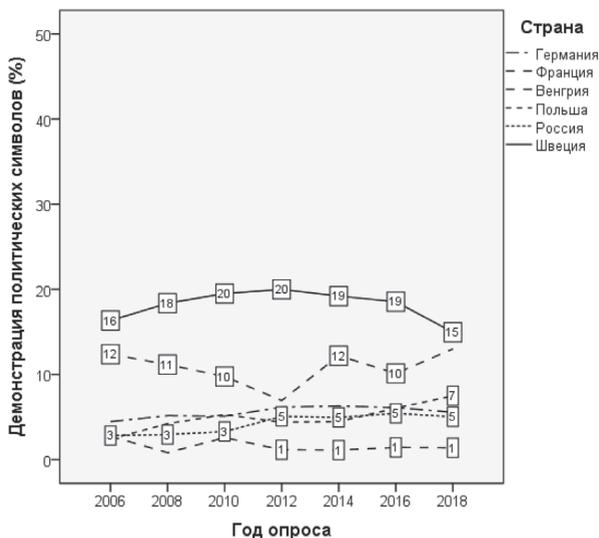

Рис. 1.4. (Fig. 1.4). Использование политической эмблемы, значка, стикера
Use of a political emblem, badge, sticker

ей работе гораздо большую часть гражданского общества (см. рис. 1.3). Причем за рассматриваемое десятилетие с небольшим эта доля заметно выросла: в Швеции с 27 % до 39 %, в Германии с 20 % до 31 %, правда во Франции она менялась мало, оставаясь около 15-ти процентного значения. Три посткоммунистические страны значительно уступали по этому показателю западным демократиям. В любой из них он практически не менялся во времени, демонстрируя близкие и весьма невысокие проценты опрошенных, вовлеченных в активность добровольных объединений. В частности, в нашей стране в работе таких объединений участвовали только около 5 % респондентов.

Следующая разновидность политического активизма — ношение, демонстрация политической символики (значка, стикера) — представлена на рисунке 1.4 (см. рис. 1.4).

Эта активность оставалась достаточно стабильной и не носит в западном обществе столь массового характера, как работа в неполитических объединениях. Тем не менее Швеция вновь заметно опережает другие страны, где об этой активности сообщали до 20 % участников

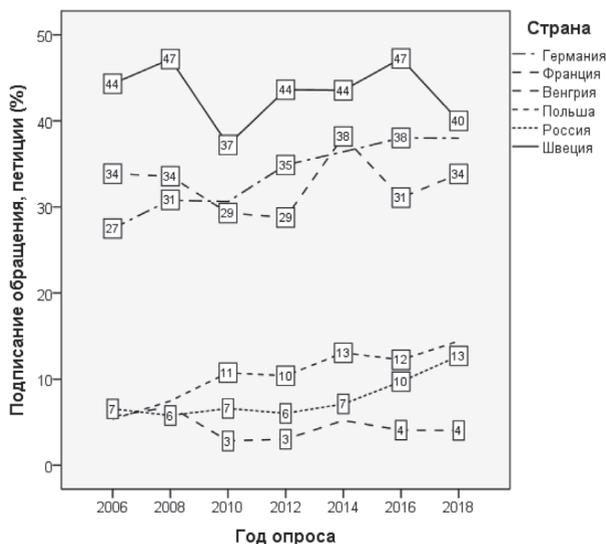

Рис. 1.5. (Fig. 1.5). Подписание петиции, обращения к властям
Signing a petition, appeal to the authorities

опросов, тогда как во Франции только около 10 %. В Германии и посткоммунистических странах доля была еще ниже — в Венгрии, например, лишь около 1 %, а в России не более 5 %. Хотя данная форма активности может зависеть от проведения избирательной или другой политической кампании, неизменные по годам показатели говорят о том, что наш рисунок отражает некие устойчивые особенности политического участия, характеризующие не столько ситуативные особенности, сколько устойчивые паттерны, обусловленные политической культурой.

Подписание обращения к властям, петиции, требования, как можно видеть на рисунке 1.5, мало меняется со временем и занимает важное место в репертуаре конвенционального участия в странах Западной Европы (см. рис. 1.5). В Швеции, где подписание петиций имеет наибольшее распространение, средний по годам показатель достигает 43 %. В Германии он несколько ниже — около 35 %, а во Франции — около 30 %. Посткоммунистическая Европа и Россия заметно отстают, в них эти значения намного ниже. В нашей стране,

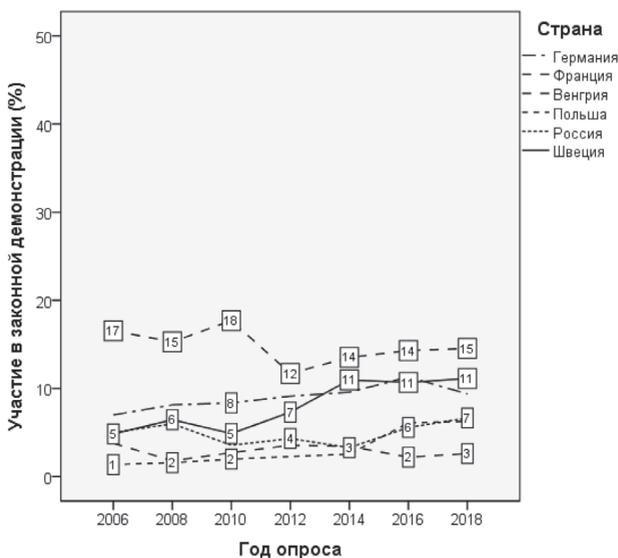

Рис. 1.6. (Fig. 1.6). Участие в законной демонстрации
Participation in a legal demonstration

как и в Польше, эта активность росла за время наблюдений со скромных 6–7 % до 13 % (вследствие, возможно, распространения электронных петиций в Интернете), а в Венгрии оставалась неизменно на низком уровне, не превышая в последние годы 4 %. В этом случае три посткоммунистические государства вновь далеко отстают от европейских стабильных демократий.

Участие в законной демонстрации, требующее от индивида приложения гораздо более серьезных усилий и наличия ресурсов, чем простое подписание петиции, собирает, согласно рисунку 1.6, и существенно более скромную часть гражданских активистов (см. рис. 1.6).

Самый высокий показатель участия в законных демонстрациях оказался во Франции, известной своими протестными традициями, далеко выходящими за пределы разрешенного властями, — около 15 % в течение всего периода наблюдений. В Германии и Швеции соответствующие доли постепенно увеличивались с 5–6 % в начале периода измерений до 10–11 % к его концу. В России на согласованные с властями демонстрации выходили скромные 3–7 %, близкие значения

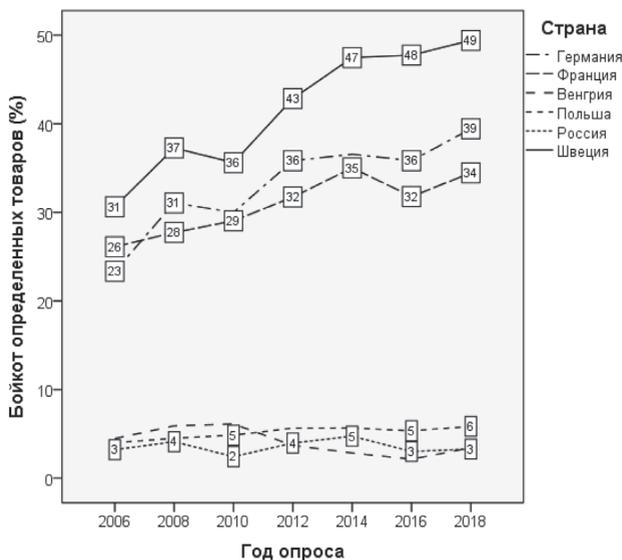

Рис. 1.7. (Fig. 1.7). Бойкот товаров и услуг
Boycott of goods and services

наблюдались в Польше, а в Венгрии этот показатель был еще ниже, не превышая трехпроцентного барьера.

Еще одна форма конвенционального участия в политике предполагает протестное воздействие на общественную проблему, осуществляемое с помощью бойкота товаров или услуг. О распространенности этой формы политического участия можно судить по рисунку 1.7 (см. рис. 1.7). Гражданам России, Венгрии и Польши такие политические акции остаются малознакомыми, в них участвуют считанные проценты респондентов, в нашей стране, например, лишь около 3 %. Напротив, в западных демократиях бойкоты получили очень широкое распространение, причем за время наблюдений происходил заметный рост доли граждан, вовлеченных в эту разновидность активности: в Швеции с 31 % до 49 %, в Германии с 23 % до 39 % и менее заметно во Франции с 26 % до 34 %. Таким образом, по показателю бойкотов разрыв гражданской активности на Западе Европы и пассивности в бывших коммунистических странах проявляется с полной отчетливостью.

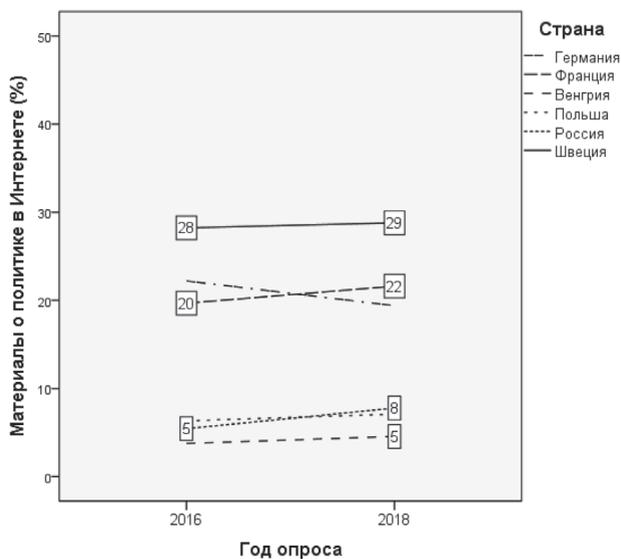

Рис. 1.8. (Fig. 1.8). Размещение в Интернете политических материалов
Posting political materials on the Internet

Наконец, с 2016 г. репертуар конвенциональных акций был дополнен в анкете ESS еще одной разновидностью. Это приведенная на рисунке 1.8 активность, предполагающая размещение в Интернете, социальных сетях (ВКонтакте, Фейсбук или Твиттер) политических материалов (см. рис. 1.8). И снова наблюдается заметное разделение между стабильными и новыми демократиями, Россией. Вновь наиболее активными оказываются граждане Швеции — доля участников составляет около 30 %, а в Германии и Франции примерно по 20 %. Гораздо ниже значения в России — 5–8 %, в Польше примерно столько же, в Венгрии не более 5 %.

Итак, обобщая приведенные распределения участия в политике граждан европейских стран и России, можно сказать, что, за единственным исключением (работа в политической партии), между стабильными демократиями и посткоммунистическими странами можно видеть отчетливое расхождение показателей конвенциональной политической активности. В Швеции, Германии и Франции значительная часть гражданского общества в той или иной форме проявляет актив-

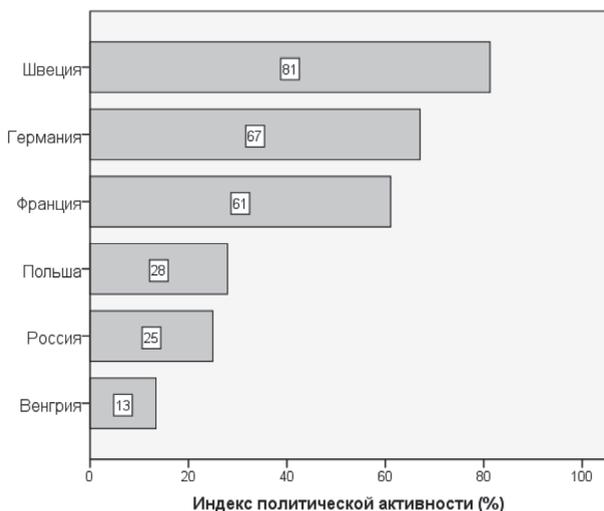

Рис. 2. (Fig. 2). Политическая активность в Европе, 2018 г.
Political activity in Europe, 2018

ность, тогда как в нашей стране, Польше и Венгрии доминирующее большинство остается политически пассивным — единицы процентов указывают на участие в политике.

С целью фиксации общего уровня конвенционального политического участия в рассматриваемых 6 странах в 2018 г. строился индекс, представляющий собой, напомним, дихотомическую переменную, у которой значение «0» указывало, что респондент за предшествующие опросу 12 месяцев не участвовал ни в одной из восьми политических активностей, а значение «1» свидетельствовало о вовлеченности хотя бы в одну из них. Распространенность политического участия, зафиксированная этим показателем, представлена на рисунке 2 (см. рис. 2).

В Швеции преобладающее большинство, четыре пятых опрошенных, сообщали о причастности к тем или иным политическим акциям, в Германии и Франции доля таких людей также была достаточно высока, составляя около двух третей выборки. В посткоммунистических странах индекс конвенционального участия в политике оказался в разы меньше: в Польше 28 %, России 25 % и в Венгрии всего

лишь 13 %. Эти распределения подтверждают впечатление, складывающееся при анализе отдельных индикаторов вовлеченности граждан в политику, — в Центральной-Восточной Европе политическая культура отличается широким распространением пассивности, тогда как в Западной и Северной ее частях наблюдается массовый конвенциональный активизм, охватывающий доминирующий общественный сегмент.

ФАКТОРЫ КОНВЕНЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ В РОССИИ

Индекс политической активности, описанный выше, использовался для ответа на вопросы, кто в России в большей мере склонен к участию в конвенциональных акциях и кто менее вовлечен в политику. Теоретическим основанием для этого служит модель «ресурсы-мотивация-мобилизация». Результаты логистического регрессионного анализа, направленного на проверку этой модели, приводятся в таблице 1 (см. табл. 1).

В первой модели независимые переменные представлены социальной демографией, включающей признаки пола, возраста, образования и места жительства. Возраст и образование оказывают существенное влияние на участие в политике ($p < 0.001$) — большую склонность к нему проявляют молодые и более образованные люди. Тем не менее объяснительные возможности этой модели оказываются весьма скромными ($Nagelkerke = 0.05$). После дополнительного включения в регрессионное уравнение мобилизационных переменных, как это сделано в модели 2, рассматриваемый показатель немного увеличивается (до 0.07), оставаясь все же невысоким. Согласно регрессии, частые контакты с окружающими людьми и связи с профсоюзами способствуют большей активности в политике ($p < 0.01$ и $p < 0.001$ соответственно).

Наконец, в третьей модели набор независимых факторов был расширен благодаря включению переменных психологических политических ориентаций. При этом происходит значительное улучшение объяснительных возможностей модели за счет сильных зависимостей между индексом политической активности и интересом к политике, показателями убежденности индивида в своей способности влиять на политику и его партийной идентификацией (все

Таблица 1 (Table 1)

Конвенциональное участие в российской политике: основные факторы
Conventional participation in Russian politics: the main factors

Независимые переменные	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Константа	-2.23***	-2.33***	-2.44***
Пол (ж=0, м=1)	-0.13	-0.11	-0.50***
Возраст, лет [0; 1]	-0.98***	-1.70***	-2.49***
Образование, лет [0;1]	3.66***	3.53***	2.12***
Место жительства:			
Сельская местность	-0.16	-0.19	-0.17
Небольшой город	0.09	0.05	0.08
Крупный город			
Одинокое (нет=0, да=1)		0.06	0.03
Частота встреч со знакомыми/мес. [0;1]		0.46**	0.55**
Профсоюзы:			
Состоят		0.76***	0.38*
Ранее состояли		0.59***	0.48***
Не состоят			
Интерес к политике [0;1]			1.32***
Способность влиять на политику [0;1]			2.12***
Политическое доверие [0;1]			-0.42
Партийная идентификация (нет=0, да=1)			0.71***
Nagelkerke	0.05	0.07	0.21
N	2367	2323	2048

Примечание. Референтные категории выделены курсивом. Уровни значимости: ***0.001, **0.01, *0.05.

Note: Reference categories are in italics. Significance levels: ***0.001, **0.01, *0.05.

при $p < 0.001$, Nagelkerke = 0.21). При таком контроле с особенной отчетливостью проявляются возрастные различия политического участия: если в младшей возрастной категории (15–24 года) значение индекса достигает 34 %, то в последующих категориях оно линейно уменьшается, так что в самой старшей (65+ лет) оно оказывается равным только 17 %. Образовательные неравенства политического активизма, напротив, становятся (по сравнению с первой моделью) заметно менее выраженными. Это позволяет говорить о медиативных эффектах мотивационных психологических факторов, объясняющих

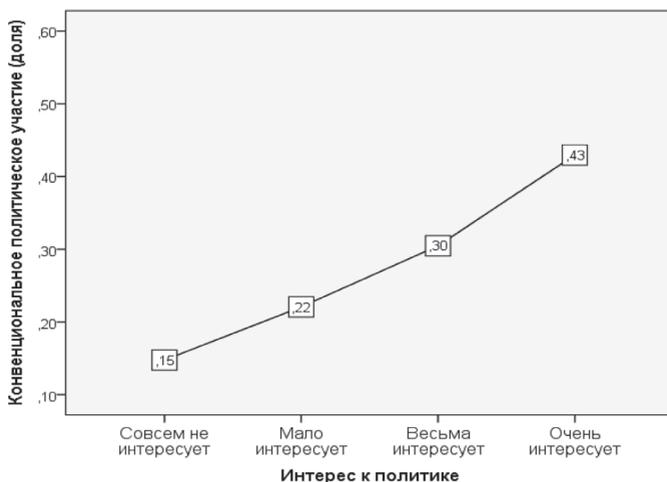

Рис. 3. (Fig. 3). Психологическое влияние на конвенциональное участие в политике (по регрессионному уравнению модели 3). 3.1. Интерес к политике
Psychological influence on conventional participation in politics
(according to the regression equation of model 3). 3.1. Interest in politics

связь между образованием и участием в политике. С ростом образования наблюдается все большая приверженность политическим аттитюдам — растет интерес индивида к политике, его уверенность в своей способности повлиять на нее и партийная идентификация, а они в свою очередь тесно связаны и с политическим участием. Тем не менее между мало и хорошо образованными людьми остаются отчетливые различия политического поведения: среди тех, у кого в лучшем случае неполное среднее образование, лишь 17 % сообщили об участии в какой-либо из восьми конвенциональных акций, тогда как при более высоком образовании это значение постепенно увеличивается, достигая в категории респондентов, имеющих вузовские дипломы, 33 %.

Поскольку улучшение третьей модели происходит за счет психологических аттитюдов к политике, зависимости, соответствующие каждой из этих переменных (исключая политическое доверие, оказавшееся статистически незначимым), представлены для наглядности на рисунке 3 (см. рис. 3).

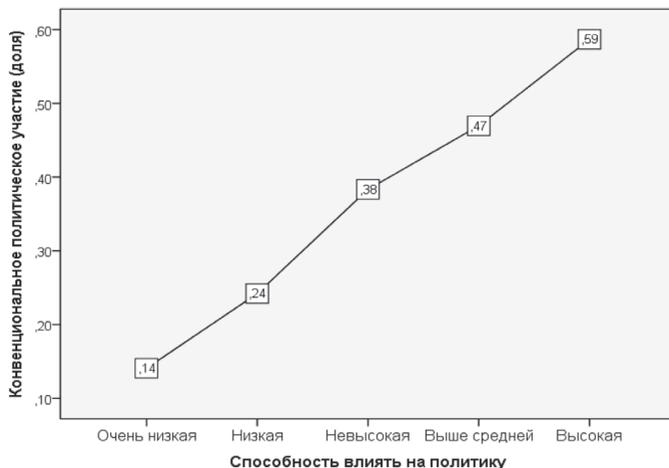

Рис. 3.2. (Fig. 3.2). Уверенность опрошенных в способности влиять на политику
Confidence of respondents in their ability to influence policy

Как видно на слайде 3.1, с ростом интереса опрошенных к политике происходит линейное нарастание конвенционального активизма (см. рис. 3.1). Если среди тех, кого политика совсем не интересует, доля активных индивидов составляет всего лишь 15 %, то в рядах граждан, которых она очень интересует, этот показатель достигает 43 %. Отметим, что между теми и другими есть заметные различия в представительстве среди российского населения. Ответы на вопрос об интересе к политике смещены в сторону низких его значений (совсем не интересует — 21 %, мало интересует — 31 %, в определенной мере интересует — 38 % и очень интересует — 10 %), что в некоторой мере способствует большему распространению политической пассивности.

Убежденность индивида в своей способности иметь дело с политикой (internal political efficacy) играет ключевую роль среди психологических переменных, определяющих политическое участие. Как показано на рисунке 3.2, с повышением этой убежденности нарастает конвенциональный активизм — все большая доля представителей соответствующей категории сообщает о том, что принимали участие в той или иной акции (см. рис. 3.2). Так, при очень низком уровне

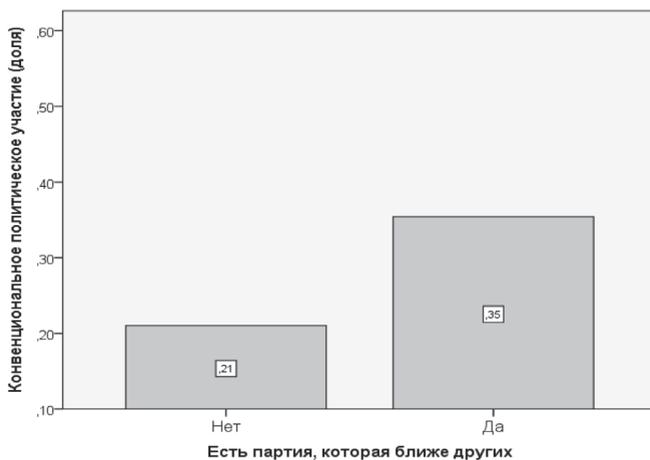

Рис. 3.3. (Fig. 3.3). Партийная идентификация
Party identification

убежденности в политику вовлекаются скромные 14 %, тогда как при высоком уровне 59 %.

Следует иметь в виду, что в России большая часть респондентов признавались, что не могли бы состоять в какой-либо группе, занимающейся политикой, и что вообще не способны принимать в ней участие. Распределение наших сограждан по рассматриваемому индексу выглядит следующим образом: очень низкая способность — 37 %, низкая — 34 %, невысокая — 22 %, выше средней — 4 % и высокая — 4 %. Так что широкая представленность в нашей стране людей, не верящих в свои политические силы, питает и конвенциональную пассивность.

Еще одна заметная переменная, влияющая на политический активизм — партийная идентификация, представленная на рисунке 3.3 (см. рис. 3.3): среди тех, кто указывал, что в ряду политических партий есть организация, которая им ближе других, 35 % участвовали в политике в той или иной форме, тогда как при отсутствии такой идентификации — только 21 %, причем последние в выборке доминируют, составляя в ней около двух третей, в отличие от трети с небольшим имеющих партийную приверженность. Такое скошенное распределение, как и по другим психологическим переменным, отчасти объясняет политическую пассивность многих наших сограждан.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье проведен анализ конвенционального политического участия в нашей стране, измеренного при помощи восьми его основных разновидностей (за исключением голосования на выборах, которое рассматривалось в других наших работах, см.: [25–28] — контакт с политиками и чиновниками, работа в политических объединениях и других добровольных ассоциациях, использование политической символики, подписание обращений и петиций, участие в законных демонстрациях, бойкот товаров и услуг, размещение в Интернете политических материалов). Результаты исследования свидетельствуют о том, что в течение 2006–2018 гг. политическое участие россиян оставалось стабильно невысоким. Действия властей, направленные на ослабление оппозиционных политических сил в этот период, не отразились на показателях политической активности. Вопреки предположениям о заметном сокращении активности или, напротив, о ее существенном повышении, на деле тенденции всего рассмотренного мной периода говорят о сохранении почти всех видов политического активизма на очень низком уровне. Сходная пассивность, охватывающая преобладающее большинство гражданского общества, наблюдалась и в двух других посткоммунистических странах — Польше и Венгрии. Низкая политическая активность в Центральной-Восточной Европе и России становится особенно заметной при сравнении со стабильными западными демократиями. В Швеции, Германии и Франции, согласно полученным результатам, по любому из показателей активности участие было гораздо шире распространено, чем в России, Польше и Венгрии, исключая только работу в политической партии, группе, движении, которая во всех странах привлекала лишь считанные проценты граждан.

В соответствии с теоретической моделью политической активности, предполагающей ресурсы-мотивацию-мобилизацию, в нашей стране, согласно регрессиям, к такой активности склонны молодые и образованные индивиды, связанные сетями социальных взаимодействий люди, а также те, кто интересуется политикой, уверен в своей способности ею заниматься, а также идентифицирует себя с определенной партией. Пассивность получает широкое распространение в российском обществе, поскольку очень многих граждан

нашей страны не интересует политика, они не верят в свои политические силы и не чувствуют близости ни с одной из действующих партий.

Наши результаты не согласуются с оптимистическими ожиданиями «просыпающейся» России, которые выражали некоторые исследователи в конце прошлого десятилетия, наблюдая протесты против пенсионной реформы. Низкая политическая активность оставалась характерной особенностью российского общества, и усиление в последние годы репрессий со стороны властей против несогласных и оппозиционных сил, а также ограничения, связанные с COVID-19, могли лишь еще больше ее понизить.

В целом, полученные в исследовании факты указывают, что политическая пассивность россиян, скорее всего, отражает устойчивые паттерны политического поведения, обусловленные авторитарной культурой, уходящей корнями в советскую эпоху и воспроизводящейся в действиях властей по ограничению неконтролируемой активности граждан.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сафронов Вячеслав Владимирович — старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. **Телефон:** +7 (812) 316-34-36. **Электронная почта:** vsafronov@list.ru.

Research Article

VIACHESLAV V. SAFRONOV¹

¹ The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences 25/14, 7-th Красноармейская str., 190005, St. Petersburg, Russia

“CONVENTIONAL” POLITICAL PARTICIPATION IN RUSSIA, 2006–2018: PREVALENCE AND SOCIAL STRUCTURING

Abstract. The article examines the political activity of Russian citizens in conventional — legal and legitimate — forms, its prevalence in comparison with other post-communist countries and Western European democracies as well as the social structuring of such activity. Research points to the passivity of civil society in Russia, which is assumed to be due to the communist political culture and the actions of the authorities aimed at controlling and restricting mass political activity. The

data from the European Social Survey (ESS) on the eight main conventional forms of political activity, obtained in 2006–2018 surveys in post-communist countries — Russia, Hungary and Poland, as well as in Western European democracies, including Germany, France and Sweden, were considered. The results confirm that in Russian society, as in other post-communist countries, a small minority participates in politics, whereas in Western democracies political activism encompasses much broader social circles. There are distinct social inequalities in political participation in our country. It is closely related to social demography (it increases with higher education and decreases with age), increases under favorable conditions of mobilization (connections with other people and organizations) and political predisposition (interest in politics, internal political efficacy, party identification). The revealed facts reinforce considerations about the political passivity of Russian citizens, reflecting cultural beliefs rooted in the Soviet era.

Keywords: political participation in Russia; conventional activism; trends 2006–2018; social structuring; comparison with post-communist and Western democracies, European Social Survey (ESS).

For citation: Safronov V.V. “Conventional” political participation in Russia: prevalence and social structuring. *Vlast’ i elity = Power and elites*. 2025. Vol. 12. No. 1. P. 119–161. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.1.4>. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viacheslav V. Safronov — senior researcher, the Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. **Phone:** +7 (812) 316-3436. **E-mail:** vsafonov@list.ru.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Архипова А.С., Захаров А.В., Козлова И.В. Этнография протеста: кто и почему вышел на улицы в январе-апреле 2021 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 289–323. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.2032>. EDN: TRSLUD
Arkhipova A.S., Zakharov A.V., Kozlova I.V. The ethnography of protest: who participated — and why — in the rallies of 2021. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2021. No. 5. P. 289–323. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.2032>. (In Russ.)
2. ВЦИОМ. Социальная и политическая активность россиян: мониторинг. 2021, 2 августа. Дата обращения 28.02.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-i-politicheskaja-aktivnost-rossijan-monitoring>.

- VCIOM. *Social and Political Activity of Russians: Monitoring*. 2021, August 2. Accessed 28.02.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-i-politicheskaja-aktivnost-rossijan-monitoring> (In Russ.)
3. ВЦИОМ. Протестный потенциал. 2025. Дата обращения 07.03.2025. URL: <https://wciom.ru/ratings/protestnyi-potencial>.
VCIOM. *Protest Potential*. 2025. Accessed 07.03.2025. URL: <https://wciom.ru/ratings/protestnyi-potencial> (In Russ.)
 4. Гусева П.Д. Демонстрации как форма неинституционализованного политического участия: связь с доверием к институтам и рисками политического режима (по данным европейского социального исследования, 2020–2022) // Социологический журнал. 2024. Т. 30. № 4. С. 54–78. <https://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.4.3>. EDN: KEKQZB
Guseva P.D. Demonstrations as a form of non-institutionalised political participation: the relationship with institutional trust and political regime risks (based on data from the European Social Survey, 2020–2022). *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 4. P. 54–78. <https://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.4.3>. (In Russ.)
 5. Домбровская А.Ю., Синяков А.В. Потенциал оппозиционности гражданского участия россиян: результаты кластерного анализа // Политическая наука. 2021. № 3. С. 142–160. <https://doi.org/10.31249/poln/2021.03.06>. EDN: EVMMGK
Dombrovskaya A.Yu., Sinyakov A.V. Opposition potential of Russians' civil participation: results of the cluster analysis. *Political science*. 2021. No. 3. P. 142–160. <https://doi.org/10.31249/poln/2021.03.06>. (In Russ.)
 6. Звоновский В.Б., Соловьева Ю.В., Ходыкин А.В., Азимова А.М., Кожевникова А.А., Акимова Е.С., Еловицова А.А. Политическая мобилизация российской оппозиции на примере акций протеста в январе 2021 года // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 386–409. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2011>. EDN: GKWVXF
Zvonovsky V.B., Solovyova Y.V., Khodykin A.V., Asimova A.M., Kozhevnikova A.A., Akimova E.S., Elovikova A.A. Political mobilization of the Russian opposition on the example of protests in January 2021. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2021. No. 6. P. 386–409. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2011>. (In Russ.)
 7. Левада-Центр¹. Политическое сознание. 2019, 15 июля. Дата обращения 07.04.2025. URL: <https://www.levada.ru/2019/07/15/politicheskoe-sozna/>.

* Включен Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, 5 сентября 2016 г.

- Levada-Center*. *Political Consciousness*. 2019, July 15. Accessed 04.03.2025. URL: <https://www.levada.ru/2019/07/15/politicheskoe-sozna/> (In Russ.)
8. *Левада-Центр**. Политическое участие и отношения с государством в России. 2021, 16 марта. Дата обращения 07.03.2025. URL: <https://www.levada.ru/2021/03/16/politicheskoe-uchastie-v-otnosheniya-s-gosudarstvom-v-rossii>. Levada-Center*. *Political Participation and Relations with the State in Russia*. 2021, March 16. Accessed 07.04.2025. URL: <https://www.levada.ru/2021/03/16/politicheskoe-uchastie-v-otnosheniya-s-gosudarstvom-v-rossii> (In Russ.)
9. *Левада-Центр**. Готовность участвовать в политике. 2023, 21 июня. Дата обращения 04.03.2025. URL: <https://www.levada.ru/2016/08/23/gotovnost-uchastvovat-v-politike/>. Levada-Center*. *Willingness to Participate in Politics*. 2023, June 21. Accessed 04.03.2025. URL: <https://www.levada.ru/2016/08/23/gotovnost-uchastvovat-v-politike/> (In Russ.)
10. *Левада-Центр**. Протестный потенциал и отношение россиян к антивоенным выступлениям в декабре 2024 года. 2025, 16 января. Дата обращения 07.03.2025. URL: <https://www.levada.ru/2025/01/16/protestnyj-potentsial-i-otnoshenie-rossiyan-k-antivoennym-vystupleniyam-v-dekabre-2024-goda/>. Levada-Center*. *Protest Potential and Attitude of Russians towards Anti-War Protests in December 2024*. 2025, January 16. Accessed 07.03.2025. URL: <https://www.levada.ru/2025/01/16/protestnyj-potentsial-i-otnoshenie-rossiyan-k-antivoennym-vystupleniyam-v-dekabre-2024-goda/> (In Russ.)
11. *Мирясова О.А.* Потенциал, репертуар и факторы массовой политической активности в России // *Политическая наука*. 2014. № 4. С. 162–185. EDN: THDIWF
Miryasova O.A. Potential, repertoire, and factors of mass political activism in Russia. *Political science*. 2014. No. 4. P. 162–185. (In Russ.)
12. *Никовская Л.И., Скалабан И.А.* Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // *Полис. Политические исследования*. 2017. № 6. С. 43–60. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.04>. EDN: ZVMOKN
Nikovskaya L.I., Skalaban I.A. Civic participation: features of discourse and actual trends of development. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2017. No. 6. P. 43–60. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.04>. (In Russ.)
13. *Парма Р.В.* Общественный активизм российских граждан в офлайн- и онлайн-пространствах // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 6. С. 145–170. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2042>. EDN: CBDYMB

- Parma R.V. Public activism of Russian citizens in offline and online spaces. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2021. No. 6. P. 145–170. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2042>. (In Russ.)
14. Патрушев С.В., Айвазова С.Г., Кертман Г.Л., Кучинов А.М., Мирясова О.А., Недяк И.Л., Павлова Т.В., Панов Л.Г., Филиппова Л.Е. Институциональный анализ политического пространства в России: предварительные результаты исследования // Россия реформирующаяся. Ежегодник: Вып. 17 / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2019. С. 527–571. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2019.22>. EDN: JGTKUG
Patrushev S.V., Aivazova S.G., Kertman G.L., Kuchinov A.M., Miryasova O.A., Nedyak I.L., Pavlova T.V., Panov L.G., Filippova L.E. Institutional analysis of the political space in Russia: preliminary research results. *Rossija reformirujushhajasja. Ezhegodnik: Vyp. 17* [Russia reforming. Yearbook: Issue 17.] Ed. by M.K. Gorshkov. Moscow: New Chronograph, 2019. P. 527–571. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2019.22>. (In Russ.)
 15. Патрушев С.В., Кучинов А.М., Мирясова О.А., Недяк И.Л., Павлова Т.В., Филиппова Л.Е. Формирование гражданской ответственности в России: институциональный контекст // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 1. С. 27–47. <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.1.7093>. EDN: LGFSCG
Patrushev S.V., Kuchinov A.M., Miryasova O.A., Nedyak I.L., Pavlova T.V., Filippova L.E. Formation of civil responsibility in Russia: the institutional context. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2020. Vol. 8. No. 1. P. 27–47. <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.1.7093>. (In Russ.)
 16. Патрушев С.В., Жаворонков А.В., Мирясова О.А., Недяк И.Л., Павлова Т.В., Филиппова Л.Е. Трансформация политического, социального и гражданского в условиях господства: российский случай // Россия реформирующаяся. Ежегодник: Вып. 19 / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2021. С. 133–174. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2021.6>. EDN: EFZZWY
Patrushev S.V., Zhavoronkov A.V., Miryasova O.A., Nedyak I.L., Pavlova T.V., Filippova L.E. Transformation of political, social and civil under domination: Russian case. *Rossija reformirujushhajasja. Ezhegodnik: Vyp. 19* [Russia reforming. Yearbook: Issue 19.] Ed. by M.K. Gorshkov. Moscow: Novy Chronograf, 2021. P. 133–174. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2021.6>. (In Russ.)
 17. Патрушев С.В., Жаворонков А.В., Мирясова О.А., Недяк И.Л., Островская Ю.Е., Павлова Т.В., Притворова Д.Е., Филиппова Л.Е. Социальные акторы и конституирование политического пространства в России: к анализу стратегий изменений // Россия реформирующаяся. Ежегодник:

- Вып. 20 / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2022. С. 229–264.
<https://doi.org/10.19181/ezheg.2022.9>. EDN: RVRWCE
- Patrushev S.V., Zhavoronkov A.V., Miryasova O.A., Nedyak I.L., Ostrovskaya Yu.E., Pavlova T.V., Pritvorova D.E., Filippova L.E. Social actors and the constitution of political space in Russia: towards the analysis of strategies for change. *Rossija reformirujushhajasja. Ezhegodnik: Vyp. 19* [Russia reforming. Yearbook: Issue 20 [Russia reforming. Yearbook: Issue 20.] Ed. by M.K. Gorshkov. Moscow: Novy Chronograf, 2022. P. 229–264.
<https://doi.org/10.19181/ezheg.2022.9>. (In Russ.)
18. Патрушев С.В., Филиппова Л.Е. Массовая политика: опыт институциональной реконцептуализации // Полис. Политические исследования. 2016. № 2. С. 131–151. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.02.10>. EDN: VOOELZ
Patrushev S.V., Filippova L.E. Mass politics: the experience of institutional reconceptualization. *Polis. Politicheskie issledovanija*. 2016. No. 2. P. 131–151. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.02.10>. (In Russ.)
19. Петухов В.В. Гражданское участие в контексте политической модернизации России // Социологические исследования. 2012. № 1. С. 48–60. EDN: OTTWJV
Petukhov V.V. Civic participation in the context of Russia’s political modernization. *Socis. Sociologicheskie issledovanija*. 2012. No. 1. P. 48–60. (In Russ.)
20. Петухов В.В. Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик // Социс. Социологические исследования. 2019. № 12. С. 3–14. <https://doi.org/10.31857/S013216250007743-0>. EDN: YNNEVJ
Petukhov V.V. Civic participation in Russia today: interaction of social and political practices. *Socis. Sociologicheskie issledovanija*. 2019. No. 12. P. 3–14. <https://doi.org/10.31857/S013216250007743-0>. (In Russ.)
21. Петухов В.В. Поколение «нулевых»: социальные настроения, идеологические установки и политическое участие // Полис. Политические исследования. 2012. № 4. С. 56–62. EDN: OZLZDB
Petukhov V.V. The generation of the «2000s»: ideological orientations and political participation. *Polis. Politicheskie issledovanija*. 2012. No. 4. P. 56–62. (In Russ.)
22. Петухов В.В., Петухов Р.В. Демократия участия: институциональный кризис и новые перспективы // Полис. Политические исследования. 2015. № 5. С. 25–48. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.05.04>. EDN: UJYYVL
Petukhov V.V., Petukhov R.V. Participatory democracy: institutional crisis and new prospects. *Polis. Politicheskie issledovanija*. 2015. No. 5. P. 25–48. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.05.04>. (In Russ.)

23. Петухов Р.В. Локальные сообщества и гражданский активизм // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 4. С. 60–71.
<https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.4.05>. EDN: SNIHYT
Petukhov R.V. Local communities and civil activism. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2014. No. 4. P. 60–71.
<https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.4.05>. (In Russ.)
24. Сафронов В.В. Контекстные модерации электоральных образовательных неравенств в странах Европы // Власть и элиты. 2024. Т. 11. № 1. С. 40–70.
<https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.1.2>. EDN: NGJZJY
Safronov V.V. Contextual moderations of electoral educational inequalities in European countries. *Power and elites*. 2024. Vol. 11. No. 1. P. 40–70.
<https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.1.2>. (In Russ.)
25. Сафронов В.В. Коррупция и классовые неравенства электорального участия в европейских странах // Власть и элиты. 2023. Т. 10. № 1. С. 5–42.
<https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.1>. EDN: VFIYXP
Safronov V.V. Corruption and class inequalities in electoral participation in European countries. *Power and elites*. 2023. Vol. 10. No. 1. P. 5–42.
<https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.1>. (In Russ.)
26. Сафронов В.В. Политическое участие в странах Европы: общественный контекст и социальнокультурные неравенства // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2015. № 1. С. 26–37.
EDN: THYGVR
Safronov V.V. Political participation in European countries: social context and socio-cultural inequalities. *Teleskop: zhurnal sociologicheskikh i marketingovykh issledovaniy*. 2015. No. 1. P. 26–37. (In Russ.)
27. Сафронов В.В. Социальное структурирование участия в выборах Государственной Думы 2021 г. // Власть и элиты. 2024. Т. 11. № 2. С. 53–73.
<https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.2.3>. EDN: NYRURK
Safronov V.V. Social structuring of participation in the 2021 State дума elections. *Power and elites*. 2024. Vol. 11. No. 2. P. 53–73.
<https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.2.3>. (In Russ.)
28. Сафронов В.В. Участие в выборах Государственной Думы: социальные неравенства, мотивации и мобилизация // Власть и элиты. 2023. Т. 10. № 2. С. 121–169. <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.6>. EDN: ANXPUL
Safronov V.V. Participation in the State дума elections: social inequalities, motivations and mobilization. *Power and elites*. 2023. Vol. 10. No. 2. P. 121–169.
<https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.6>. (In Russ.)

29. Седова Н.Н. Гражданский активизм в современной России: форматы, факторы, социальная база // Социологический журнал. 2014. № 2. С. 48–71. <https://doi.org/10.19181/socjour.2014.2.495>. EDN: SJUOAN
Sedova N.N. Civic activism in modern Russia: forms, factors, and social base. *Sotsiologicheskiiy zurnal = sociological journal*. 2014. No. 2. P. 48–71. <https://doi.org/10.19181/socjour.2014.2.495>. (In Russ.)
30. Balch G.I. Multiple indicators in survey research: the concept “sense of political efficacy”. *Political methodology*. 1974. Vol. 1. No. 2. P. 1–43.
31. Barnes S.H., Kaase M. et al. *Political action: mass participation in five western democracies*. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1979. 607 p.
32. Blais A. Turnout in elections. *The Oxford handbook of political behavior*. Ed. by R.J. Dalton, H.-D. Klingemann. New York: Oxford University Press, 2007. P. 621–635. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199270125.003.0033>.
33. Blais A., Daoust J.-F. *The motivation to vote: explaining electoral participation*. Vancouver: UBC Press, 2020. 156 p. <https://doi.org/10.59962/9780774862691>.
34. Campbell A., Converse P.E., Miller W.E., Stokes D.E. *The American voter*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1980 [1960]. 576 p.
35. Campbell A., Gurin G., Miller W.E. *The voter decides*. New York: Row, Peterson, and Co, 1954. 242 p.
36. Dalton R.J. Party identification and its implications. *Oxford research encyclopedia of politics*. Ed. by W.R. Thompson. 2021. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.72>.
37. Dubrow J.K., Slomczynski K.M., Dubrow-Tomescu I. Effects of democracy and inequality on soft political protest in Europe: exploring the European social survey data. *International journal of sociology*. 2008. Vol. 38. No. 3. P. 36–51. <https://doi.org/10.2753/IJS0020-7659380302>.
38. European Social Survey *European Research Infrastructure (ESS ERIC)*. ESS3 — integrated file, edition 3.7 (Latvia and Romania not included) [Data set]. Sikt — Norwegian Agency for Shared Services in Education and Research, 2018. https://doi.org/10.21338/ess3e03_7.
39. European Social Survey *European Research Infrastructure (ESS ERIC)*. ESS4 — integrated file, edition 4.6 (Austria and Lithuania not included) [Data set]. Sikt — Norwegian Agency for Shared Services in Education and Research, 2023a. https://doi.org/10.21338/ess4e04_6.
40. European Social Survey *European Research Infrastructure (ESS ERIC)*. ESS5 — integrated file, edition 3.5 (Austria not included) [Data set]. Sikt — Norwegian Agency for Shared Services in Education and Research, 2023b. https://doi.org/10.21338/ess5e03_5.

41. European Social Survey *European Research Infrastructure (ESS ERIC)*. ESS6 — integrated file, edition 2.6 [Data set]. Sikt — Norwegian Agency for Shared Services in Education and Research, 2023c. https://doi.org/10.21338/ess6e02_6.
42. European Social Survey *European Research Infrastructure (ESS ERIC)*. ESS7 — integrated file, edition 2.3 [Data set]. Sikt — Norwegian Agency for Shared Services in Education and Research, 2023d. https://doi.org/10.21338/ess7e02_3.
43. European Social Survey *European Research Infrastructure (ESS ERIC)*. ESS8 — integrated file, edition 2.3 [Data set]. Sikt — Norwegian Agency for Shared Services in Education and Research, 2023e. https://doi.org/10.21338/ess8e02_3.
44. European Social Survey *European Research Infrastructure (ESS ERIC)*. ESS9 — integrated file, edition 3.2 [Data set]. Sikt — Norwegian Agency for Shared Services in Education and Research, 2023f. https://doi.org/10.21338/ess9e03_2.
45. Farah B.G., Barnes S.H., Heunks F. Political dissatisfaction. *Political action: mass participation in five western democracies*. Ed. by S.H. Barnes, M. Kaase et al. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1979. P. 409–447.
46. Gallego A. Unequal political participation in Europe. *International journal of sociology*. 2007. Vol. 37. No. 4. P. 10–25. <https://doi.org/10.2753/IJS0020-7659370401>.
47. Inglehart R. Political action: the impact of values, cognitive level, and social background. *Political action: mass participation in five western democracies*. Ed. by S.H. Barnes, M. Kaase et al. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1979. P. 343–380.
48. McAllister I. Partisanship and political participation. *Research handbook on political partisanship*. Ed. by H. Oscarsson, S. Holmberg. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing, 2020. P. 266–280. <https://doi.org/10.4337/9781788111997>.
49. McAllister I., White S. Conventional citizen participation. *Democratization*. Ed. by C.W. Haerpfer, P. Bernhagen, C. Welzel, Inglehart R.F. New York: Oxford University Press, 2019. P. 197–211.
50. Milbrath L.W. Political participation. *The handbook of political behavior*. Ed. by S.L. Long. Boston, MA: Springer, 1981. P. 197–240. https://doi.org/10.1007/978-1-4684-3878-9_4.
51. Milbrath L.W., Goel M.L. *Political participation*. Chicago: Rand McNally, 1982. 236 p.
52. Schlozman K.L., Brady H.E. Political science and political participation. The Oxford handbook of political participation. Ed. by M. Giugni, M. Grasso. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 25–44. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198861126.001.0001>.

53. Schnaudt C. *Political confidence and democracy in Europe: antecedents and consequences of citizens' confidence in representative and regulative institutions and authorities*. Cham: Springer, 2019. 324 p.
https://doi.org/10.1007/978-3-319-89432-4_2.
54. Smets K., van Ham C. The embarrassment of riches? A meta-analysis of individual-level research on voter turnout. *Electoral studies*. 2013. Vol. 32. No. 2. P. 344–359. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2012.12.006>.
55. Smith M.L. The inequality of participation: re-examining the role of social stratification and post-communism on political participation in Europe. *Sociologický časopis / czech sociological review*. 2009. Vol. 45. No. 3. P. 487–517. <https://doi.org/10.13060/00380288.2009.45.3.01>.
56. Stolle D., Hooghe M. Shifting inequalities: patterns of exclusion and inclusion in emerging forms of political participation. *European societies*. 2011. Vol. 13. No. 1. P. 119–142. <https://doi.org/10.1080/14616696.2010.523476>.
57. Verba S., Nie N.H. *Participation in America: political democracy and social equality*. New York: Harper & Row, 1972. 428 p.
58. Verba S., Schlozman K.L., Brady H.E. *Voice and equality: civic voluntarism in American democracy*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995. 664 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1pnc1k7>.